

УДК 159.9

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ: ПРАВО НА ПРОПИСКУ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А. А. Бреусенко-Кузнецов

*доцент кафедры психологии и педагогики
Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт», Киев, Украина
br.kuznetsov@gmail.com*

Статтю присвячено дослідженню міри виправданості панівної настанови академічної психології на відмову визнавати метафізичні теорії особистості у статусі наукових. Наведено порівняльну характеристику двох типів науковості у психології. Рисами експериментально-орієнтованого наукового знання визнано позитивістську й матеріалістичну орієнтацію, протиставлення себе філософії, пошук необхідних закономірностей в явищах, акцент на причинні пояснення, опору на експериментальний досвід та ін. Рисами клінічно-орієнтованого наукового знання стали світоглядний плюралізм, знаходження у філософії свого фундамента, визнання свободи і відповідальності особистості, акцент на розуміння мети і смислів, опора на клінічний досвід та ін. Власне метафізичні теорії особистості раніше виключалися з наукового вжитку згідно випадкових критеріїв (вимоги марксистської ідеології, позитивістських канонів знання, відсутність даних про їхню практичну ефективність). Зроблено висновок про необхідність подолання антиметафізичних наукових забобонів.

Ключові слова: наука, метафізика, теорії особистості.

METAPHYSICAL THEORIES OF PERSONALITY: A RIGHT FOR REGISTRATION IN THE PSYCHOLOGICAL SCIENCE

A. A. Breusenko-Kuznetsov

*Associate professor, Psychology and Pedagogics Department,
National Technical University of Ukraine
«Kyiv Polytechnic Institute», Kyiv, Ukraine
br.kuznetsov@gmail.com*

The article is aimed at researching the measure of validity of the dominating position of academic psychology to refuse metaphysical theories of personality in recognizing their scientific status. The comparative characteristic of the two types of scientific knowledge in psychology is given. The features of the experimentally-focused scientific knowledge are positivistic and materialistic orientation, opposition to philosophy, search for indispensable laws in phenomena, accent on a causal explanation, reliance on experimental experience, etc. The features of the clinically-focused scientific knowledge are the world outlook pluralism, acknowledging the philosophy's own basis, recognition of freedom and responsibility of personality, accent on understanding of the purposes and senses, reliance on clinical experience, etc. The metaphysical theories of personality proper were earlier excluded from the scientific use according to optional criteria (requirements of Marxist ideology, positivistic canons of knowledge, absence of data about their practical efficiency). The conclusion about necessity to overcome anti-metaphysical scientific prejudices is inferred.

Keywords: science, metaphysics, theories of personality

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

О том, что метафизическая психология – это психология «ненаучная», знает каждый отечественный психолог, получивший образование в советское и раннее постсоветское время. Такое «знание» ему было предписано в связи с марксистской идеологизацией психологической науки – и с её после-

действием. Отчего же ненаучна метафизическая психология? – она *противоречит* положениям *метафизики диалектического материализма*, навязчиво утверждаемым в «научном» статусе.

О том же «ненаучном» статусе метафизической психологии знают и академические психологи западных стран. Их ориентиром, разумеется, был не диалектический материализм, а *позитивизм*. Если первый выдвигал откровенно метафизические положения и отрицал их метафизический характер, то со вторым ситуация ещё грустнее: его *метафизические положения не сформулированы*, а только *подразумеваются*, а потому и конкретное содержание их толком *не осознаётся*.

Проблему нашей статьи составляет скрытая необоснованность широко распространённого в академической среде мнения о ненаучности метафизической психологии.

Задача нашей статьи – доказательство права на существование в научном статусе метафизических теорий в конкретной сфере психологического знания – в психологии личности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

Поскольку позитивизм в психологии исторически возобладал как раз в период обретения ею статуса самостоятельной науки, он получил простор для *глобализации*. Подобно тому, как имеющие *локальное* значение ценности атлантической цивилизации были у нас некритично зарегистрированы в качестве *общечеловеческих*, так и *принципы позитивизма*, имеющие хождение внутри этого мировоззрения, были удовлетворены мировой академической средой в претензии на статус *общенаучных*.

Но не вся психология вошла в сциентистскую обойму, присягнувшую базисным положениям позитивистского мировосприятия. *Клинически-ориентированные* её направления не были бы эффективными, если бы следовали всем жёстким канонам, обязательным для направлений *экспериментальных* (они, прямо скажем, изменили бы и своей клинической ориентации, да и тем сущностным идеям, которые положены в основу каждого из них). В функции философско-методологического обеспечения систем психотерапевтического влияния на личность в научную психологию вернулась-таки метафизика, – что, разумеется, не может радовать доминирующих в академической среде представителей экспериментально-ориентированных традиций (ибо тот исследовательский аскетизм, который установился в качестве их образа профессионального действия, грозит обернуться надуманным излишеством). Отсюда – возобновляющиеся дискуссии *о научности* клинически-ориентированных школ. В этих дискуссиях оппоненты друг друга не слышат, да и не расположены слышать. Чаще всего мотивом академистов-экспериментаторов, инициирующих данные дискуссии, выступает стремление «закрыть» эти школы, поскольку те «не чтят святынь экспериментальной науки», «порочат светлый образ учёного», «незаслуженно хорошо живут в профессии» и «развращают молодёжь своим примером». Ну не в диалог же с ними вступать! Пусть сперва исправятся.

Отсутствие диалога, – от которого обе стороны, вроде, не сильно-то и страдают – не случайно. На самом деле, речь должна идти не о соответствии той или иной школы некоторым стандартам научности, а о вариативности самих стандартов. Т.е. о сложившемся существовании *двух основных типов научности в психологии* (см. табл.1).

Данная таблица иллюстрирует основные позиции *типичных* расхождений между экспериментаторами и клиницистами. С чем согласны и те, и другие – так это с тем, что *психология – эмпирическая наука*, и она *должна опираться на опыт*. Но «эмпирическая» – не значит непременно «экспериментальная», и опыт понимается не в том единственном привязанном к внешнему миру ключе, к которому привыкли экспериментаторы.

Клинический опыт, позволяющий *выводить тенденции из единичных случаев*, для убеждённых академистов-экспериментаторов подозрителен, они не считают нужным засчитывать его факты в качестве научных – ибо статистической проверке он зачастую не подлежит.

Вспомним, однако, о том, что статистическая верификация и экспериментальных данных – не от «хорошей жизни» (просто не существует иного, лучшего способа что-либо из этих измерений подтвердить); сами специалисты по матметодам указывают на то, что методы статистики, подтверждая данные эксперимента, сами – в плане своей применимости в психологии – не бесспорны.

Как признаёт воспитанница петербургской школы психологии Е. В. Сидоренко: «Уникальная специфика психологического исследования пока ещё сводится к традиционному приписыванию рангов и чисел явлениям, столь тонким, что, по-видимому, к ним применима лишь принципиально иная система регистрации и оценки. Психология отчасти сама виновата в том, что её заставляют вступать в неравный брак с математикой. Она не смогла пока ещё доказать, что строится на принципиально иных основах. Но пока психология не докажет, что может существовать неза-

висимо от математики, ... придётся использовать математические методы, чтобы избавиться от необходимости объяснять, почему мы, собственно, их не использовали?» [27, 6].

Таблица 1

**Сопоставление основных традиций в современной психологической науке
как представителей двух типов научности в психологии**

<i>Позиции сравнения</i>	<i>Экспериментально-ориентированная традиция</i>	<i>Клинически-ориентированная традиция</i>
<i>Мировоззренческая ориентация:</i>	Позитивистская и материалистическая	Плюрализм подходов: идеалистическая метафизика, онтология, феноменология, экзистенциализм, структурализм и пр.
<i>Отношение к науке и к другим формам культуры</i>	Наука – высшая форма культуры	Наука – одна из форм культуры
<i>Отношение к философскому знанию</i>	Оно ненаучно и альтернативно серьёзной опытной науке	Оно – фундамент научного знания
<i>Тип научного знания, к которому тяготеет</i>	«Естественнонаучный»; монологичный, с устранением влияния субъектного начала	Гуманитарный; диалогичный, с поддержкой влияния субъектного начала
<i>Критерий убедительности теоретических построений</i>	Выведение психического из внешней реальности	То, что познанное явление замыкается в логически обоснованную целостность
<i>Предмет поиска в плане детерминации</i>	Поиск необходимости в основе явлений	Признание свободы и потенциала внутреннего развития
<i>Способ организации знания</i>	Причинное объяснение (акцент на причины)	Понимание (акцент на цели и смыслы)
<i>Способ мышления</i>	Естественнонаучное, редуктивное: мир сводится к простейшим основаниям	Историческое: мир берётся как осмысленное целесообразное целое
<i>Опыт</i>	Внешний	Внутренний
<i>Основной метод</i>	Эксперимент	Клиническая беседа
<i>Общие свойства методов</i>	Номотетические	Идеографические
<i>Способ верификации</i>	Мат-статистика, усреднение данных по выборке	Понимание индивидуальных случаев в их логике и целостности
<i>Цель применения</i>	Для адаптации человека к решению важных общественных задач	Для решения проблем самого человека
<i>Способ и цель применения</i>	Человек – объект преобразования	Человек – субъект общения
<i>Базовая фантазия</i>	Идея прогресса	Идея общающихся точек зрения

Вдумаемся: если психология унижена выполнением чуждых ей предписаний, а психологи – вместо выполнения прямой своей задачи по развитию собственной науки, смиренно работают над новыми единственно для них самих задачами математическими, то их профессиональная позиция – своего рода отчаяние. Психологи обрекли себя на бессмысленное нетворческое занятие по подсчёту цифр в уравнениях, на тягостную компульсивность умственных операций – и это не оправдывается никакой *высшей* целью, только профессиональным *выживанием*, – не свидетельство ли сие защитного поведения, напр., «автоматизирующего конформизма» как механизма «бегства от свободы» (Э.Фромм)? Может, стоит попытаться *не следовать* заведомо проигрышным паттернам современного рабства, а напрячь все силы для возвращения достоинства науки. Не пропущен ли в её траектории развития важный поворот?

Конечно, и у паттерна «упования на математическую достоверность» есть долгая история, уходящая, по крайней мере, в эпоху барокко и геометрически выверенное философское творчество Б.Спинозы. Но ведь когда-то же, исторически недавно, «Юрьев день» для нашей науки ещё

существовал, и психологи могли выбирать себе друзей сообразно личным вкусам: кому – математика и естествознание, а кому – и классическая филология.

Для *теорий личности* – особенной области теоретизации в психологии – действует более мягкая система предписаний академической среды, чем в прочих психологических науках. «Большинство теорий личности и психотерапевтических концепций были сформулированы безо всякого обращения к математике» [27, 5], – без гнева и печали констатирует та же Е. В. Сидоренко. Правда, замечает она, *времена изменились*, и современным учёным вести себя подобно З. Фрейду, К. Г. Юнгу, Л. С. Выготскому, В. М. Бехтереву, В. Н. Мясищеву и другим гениям, игнорировавшим мат-статистику, как-то не солидно. Однако, если вопрос о научности переводится в социально-психологическую область соответствия групповым нормам, то какова цена подобной «научности»?

Что в теории личности можно экспериментально доказать? Определённо, не саму теорию личности: личность представляет слишком широкое поле теоретических обобщений. Доказательствами покрываются конкретные *следствия* из теории, не более того. Поскольку учёный дал себе труд какие-то из этих следствий доказать, его теорию принимают в круг добропорядочных, вероятных теорий. Доказать *все* следствия из теории – опять-таки невозможно. *Теория представляет собой целое, не сводящееся к совокупности эмпирически доказуемых частных моментов.* Стоит теоретику – ради полноты экспериментальной обоснованности теории – вычистить из своих построений всё не подтверждённое, как оставшаяся «руина» перестанет быть теорией, а превратится в несвязуемый набор фактов. Зато *теории личности, если они продуманы, логичны и целостны*, во многом – *сами себе доказательства*, – и помимо «ритуальных» экспериментальных процедур.

Автор одного из американских учебников по теориям личности С.Мадди с прискорбием констатирует: «С каждым годом в рамках психологии личности проводится все больше экспериментов, но ни один из них не приближает нас к тому моменту, когда мы сможем отказаться от каких-то теорий вследствие их научной несостоятельности. Отсутствие прогресса связано в первую очередь с тем, что большая часть исследований тенденциозна по своей природе» [19]. Правда, и сам учебник С.Мадди демонстрирует весьма *тенденциозный* подход к освещению теорий личности, альтернативный тому критикуемому им более распространённому подходу, состоящему в бережном сохранении авторских контекстов [22-24; 29; 43-45], к которому склоняемся и мы [3]. Применение им *сравнительно-аналитического метода* изложения теорий других авторов вычищает из них всё самобытное, делает их, прямо скажем, неузнаваемыми и однотипными в своей обезличенности. Нам представляется, что во взгляде С. Мадди на сосуществование теорий личности уж слишком гипертрофирована идея борьбы теорий за выживание – вплоть до попыток реализации девиза соперников Дункана Маклауда из сериала «Горец»: «*должен остаться только один!*». Не надеясь на эксперимент как средство «зачистки» и унификации, он предлагает для этой цели «сравнительный анализ»; и что же: на первом же «кастинге» он исключает из рассмотрения две теории: К. Левина и К. Г. Юнга, на том якобы основании, что обе они сейчас непопулярны (субъективистское по самой своей сути основание, да и очевидно нерепрезентативное к тому же). Если эти теории не укладываются в схему анализа С. Мадди, то здесь, по-видимому, дело не в их качестве (тем более не в популярности), а в том, что схема – не универсальна.

Тенденциозность, по отношению к которой эксперимент (равно как и подготовительные теоретико-аналитические процедуры по унификации теорий – вроде предложенной С. Мадди) в реальной практике его применения служит не столь проводником беспристрастных критериев истины, сколь инструментом давления, доступна рефлексии учёных, что побуждает их к компромиссному взаимодействию.

Компромисс между «сциентистами-экспериментаторами» и «клиницистами» по формуле «*живи сам и дай жить другому!*» в настоящее время принял форму «разделения сфер влияния». Сциентистам досталась «наука», клиницистам – «практика». Таково положение, по крайней мере, на постсоветском пространстве. Это положение было отрефлектировано А. М. Эткин-дом в статье «Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания». А. М. Эткин-дом говорит о «глубоких когнитивных отличиях практической психологии от психологии академической, вызванных принципиальным своеобразием подходов, направленных на изменение человека, в сравнении с подходами, направленными на его исследование» [49, 20]. По его мнению, *различие социальных ролей*, определяющее специфику *психологических навыков профессионалов-исследователей и практиков*, порождает логическое своеобразие профессионально-ролевых «образов мира». А. М. Эткин-дом обнаружил специфические формы функционирования в профессиональном сознании таких общих катего-

рий, как пространство и время, причинность и вероятность, субъект и объект и т.д., а на этой основе выделил *характерные способы описания, обобщения и объяснения данных опыта*.

- *Пространство* в академической психологии – сообразно требованию *инвариантности научной картины мира к системе отсчета* – предполагает *децентрированность*, в практической же психологии – *центричность*: естественным его центром является клиент.

- *Время* в экспериментальной психологии условно *обратимо*, что связано с установкой на *воспроизводимость результатов*. Практическая же психология, напротив, существует во времени *необратимом*: что сделано – не воротишь.

- *Причинность* – в академической науке тяготеет к объяснению субъективных явлений объективными обстоятельствами; в практике же «именно субъективным факторам придается первостепенное значение всегда, когда от субъектов действия требуется изменение».

- *Вероятность* с двух колоколен психологии также видится по-разному: тенденции, характеризуя *выборку в целом*, к каждому испытуемому относятся *лишь с определенной вероятностью*. Установка же психолога-практика – *гипердетерминизмом*, где *случайностям нет места*.

- *Форма обобщения* данных также различается: поиск «*трансиндивидуальных инвариантов*» человеческого поведения; поиск «*трансситуативных инвариантов*» поведения).

- *Способы описания* также раняты: для психолога-академиста – *параметрические*, в практической же работе – *метафорические* коды.

- *Образ человека* предстаёт в таких вариациях: отношение к испытуемому как к её объекту, откуда следует и *монологичный характер дискурса* науки; адресованность психологической помощи субъекту, её *диалогичность*,

Описывая данные «образы мира» практической и академической психологии, А. М. Эткинд, подозревает, что выделенные различия есть *симптомами хронической болезни*, т.н. «профишизии», сущность которой – «в глубоком расщеплении профессионального сознания и в отсутствии адекватной коммуникации между дивергирующими его «половинами» [49, 29]. Рецепты А. М. Эткинда – диалог позиций, вовлечение практиков в теоретическую деятельность и наоборот.

Солидаризируясь с А. М. Эткиндом в части описания им проблемной ситуации, мы склонны несколько иначе истолковывать её суть. По нашему мнению, она *не в том*, что «наука» и «практика» – *заведомо противоположные области деятельности*, дивергирующие профессиональное сознание психологов. Эта суть, скорее, в *противоположности* между той *специфической методологической ориентацией*, которой в данное время придерживается «наука», и *другой методологической ориентацией*, которую в данное время исповедует «практика». Простое соединение «науки» и «практики» через сближение позиций профессионалов едва ли осуществимо, поскольку *такого рода* современная «наука» нуждается в *соответствующем себе роде* «практики», а *актуально сложившаяся* «практика», соответственно, – в *мировоззренчески приближенной к себе версии* «науки». Метафорически выражаясь, у нас нет надежды соединить в единый жизнеспособный организм «переднюю половину коня» и «заднюю часть трепетной лани»; по нашему мнению, и «коня» и «трепетную лань» следует «достроить» до органической целостности, а уж затем – принудить к мирному сосуществованию.

Впрочем, не будем лукавить, абсолютизируя «недостроенность» обоих «организмов». Разумеется, *клиническая практика* имеет свои *научные* основания (и если они не удовлетворяют критериям научности тех психологов, в чьём ведении сегодня «наука», то причина – в ригидности самих критериев). Разумеется также, что и *академическая наука* имеет свою *сферу практического приложения* (и если в приложении именно к психологической помощи личности она обретает неожиданно «дегуманизирующий» облик, то, уж извините, – таковы издержки выстраивания психологии по лекалам естественных наук).

Методологический плюрализм де-факто в психологии осуществляется (нет неодолимых преград ни для проведения, ни для опубликования результатов исследований, имеющих самый разный философский базис). Его нет единственно в *организационном строении научных институтов*. Но чего не может сделать административно-командная система мировой психологической науки, – так это изменить природу психической реальности. Раз уж в практической области более эффективны иные научные направления, им остаётся позволить жить.

Всё, что выражено хоть в каком-то *опыте*, и *эффективно* по последствиям, не может быть отвергнуто представителями западной *утилитарной культуры*, ориентированной на ценности эффективности (а именно такого рода культура поддерживает существование психологии в сциентистской модели). При всей перенасыщенности странами для серьёзных учёных пред-рассудками и суевериями, силою своей практической полезности – на фоне неготовности конку-

рентов из сциентистского лагеря обеспечить аналогичную – клинический опыт психологии занял надёжное место под солнцем. А вместе с ним – и те метафизические модели, которые воплотились в клиническую практику.

Однако, как мы знаем, *отечественные метафизические теории личности* (П. Д. Юркевича, В. С. Соловьёва, Л. М. Лопатина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Л. Шестова, В. Ф. Эрн, Н. О. Лосского, Л. М. Карсавина, кн. Е. Н. и С. Н. Трубецких, С. Л. Франка, П. А. Флоренского, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина и др.) *не воплощены и в клиническом опыте*. Отечественные медики, как правило, были чужды метафизических ориентаций. Русским же философам, которые и создавали данный пласт теорий, исторически была чужда клиника. Они, как правило, получали образование на историко-филологических, либо юридических факультетах. Если они и выказывали склонность к исцеляющей активности, к врачеванию людей, – то либо в *отвлечённом* смысле, либо в *конкретном, но социально не институционализированном*. Становится ли этот исторический факт основанием исключить их из современной науки? До сих пор – определённо, становился. Теории, не удовлетворяющие ни критериям «сциентистской доказанности», ни «социалистической благонадёжности», ни «капиталистической эффективности», вполне закономерно оказались *вытесненными* за пределы профессионального сознания психологов.

ВЫВОДЫ

Вывод, к которому мы приходим, состоит в необходимости включения метафизических теорий личности в научный обиход.

Что же побуждает нас реанимировать эти «заживо похороненные» теории? Факт *произвольности* каждого из вышеназванных критериев. Один из них – связанный с *марксистской идеологизацией*, – уже пал и не может претендовать на актуальность. Второй – *соответствие позитивистским нормативам* «надёжного знания» – показал свою узость и неприменимость вне позитивистски-обоснованной (экспериментально-ориентированной) модели психологии. Третий же – *практическая эффективность* – пока что не может быть применён, ибо в данном отношении метафизические теории (в силу ряда внешних причин) ещё и не рассматривались. *Неприменённость* теорий к практике ещё не свидетельствует об их *неприменимости*. А чтобы нашлись энтузиасты, готовые воплощать данные теории в технологии практического действия, сами теории должны быть как минимум известны, введены в научный обиход.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абульханова-Славская К. А. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна / К. А. Абульханова Славская. – М. : Наука, 1989. – 248 с.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
3. Бреусенко-Кузнецов А. А. Теории личности : зарубежный опыт теоретизации. Курс лекций / А. А. Бреусенко-Кузнецов. – К. : Миллениум, 2008. – 442 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний : Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
5. Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. – Т.1. Философия хозяйства. Трагедия философии / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1993. – 604 с.
6. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 586 с.
7. Ильин И. А. Одинокий художник / И. А. Ильин. – М. : Искусство, 1993. – 348 с.
8. Ильин И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Республика, 1993. – 431 с.
9. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения / Л. П. Карсавин. – М. : Ренессанс, 1992. – 325 с.
10. Летцев В. М. Проблема особистості у психологічний спадщині В. В. Зеньковського : Автореф. дисс. канд. психол. наук : 19.00.01; Ін-т психології ім. Г. С. Костюка АПН України / В. М. Летцев. – К., 2004. – 19 с.
11. Лопатин Л. М. Аксиомы философии. Избранные ста-

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaja K. A. Filosofsko-psihologicheskaja koncepcija S. L. Rubinshtejna / K. A. Abul'hanova-Slavskaja. – M. : Nauka, 1989. – 248 s.
2. Berdjaev N. A. O naznachenii cheloveka / N. A. Berdjaev. – M. : Respublika, 1993. – 383 s.
3. Breusenko-Kuznecov A. A. Teorii lichnosti : zarubezhnyj opyt teoretizacii. Kurs lekcij / A. A. Breusenko-Kuznecov. – K. : Millenium, 2008. – 442 s.
4. Bulgakov S. N. Svet nevechernij : Sozercanija i umozrenija / S. N. Bulgakov. – M. : Respublika, 1994. – 415 s.
5. Bulgakov S. N. Sochinenija : v 2 t. – T.1. Filosofija hozjajstva. Tragedija filosofii / S. N. Bulgakov. – M. : Respublika, 1993. – 604 s.
6. Il'in I. A. Aksiomy religioznogo opyta / I. A. Il'in. – M. : ООО «Izdatel'stvo AST», 2002. – 586 s.
7. Il'in I. A. Odnokij hudozhnik / I. A. Il'in. – M. : Iskusstvo, 1993. – 348 s.
8. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti / I. A. Il'in. – M. : Respublika, 1993. – 431 s.
9. Karsavin L. P. Religiozno-filosofskie sochinenija / L. P. Karsavin. – M. : Rennans, 1992. – 325 s.
10. Letcev V. M. Problema osobystosti u psihologichnyj spadshhyni V. V. Zen'kov'skogo: Avtoref. dyss. kand. psyhol. nauk : 19.00.01; In-t psihologii' im. G. S. Kostjuka APN Ukraїny / V. M. Letcev. – K., 2004. – 19 s.
11. Lopatin L. M. Aksiomy filosofii. Izbrannye stat'i /

- ть / Л. М. Лопатин. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1996. – 560 с.
12. Лопатин Л. М. Философские характеристики и речи / Л. М. Лопатин. – М. : АСТ, 2000. – 496 с.
 13. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1994. – 919 с.
 14. Лосский Н. О. Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1994. – 432 с.
 15. Лосский Н. О. Избранное / Н. О. Лосский. – М. : Правда, 1991. – 622 с.
 16. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высшая школа, 1991. – 559 с.
 17. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1995. – 400 с.
 18. Мадди С. Теории личности : сравнительный анализ / С. Мадди. – СПб. : Речь, 2002. – 428 с.
 19. Маноха И. П. Человек и потенциал его бытия / И. П. Маноха. – К. : Стимул, 1995. – 256 с.
 20. Психологическая наука в России XX столетия : проблемы теории и истории. – М. : Изд-во Института психологии РАН, 1997. – 576 с.
 21. Психология личности : словарь-справочник / Под ред. П. П. Горностая, Т. М. Титаренко. – К. : Рута, 2001. – 293 с.
 22. Рибалка В. В. Теорії особистості у вітчизняній психології / В. В. Рибалка. – К. : ІПППО АПН України, 2006. – 400 с.
 23. Рибалка В. В. Теорії особистості у вітчизняній психології та педагогіці / В. В. Рибалка. – Одеса : Вид-во Букаєв Вадим Вікторович, 2009. – 575 с.
 24. Роменець В. А. Історія психології XIX – початку XX століття / В. А. Роменець. – К. : Вища школа, 1995. – 614 с.
 25. Роменець В. А., Маноха І. П. Історія психології XX століття / В. А. Роменець, І. П. Маноха. – К. : Либідь, 1998. – 922 с.
 26. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодетельности / С. Д. Рубинштейн // Вопросы философии. – № 4. – 1989. – С. 88–95.
 27. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Социально-психологический центр, 1996. – 350 с.
 28. Теорії особистості у вітчизняній психології : навч. посіб. / В. В. Рибалка. – К. : ІПППО АПН України, 2006. – 530 с.
 29. Ткаченко О. М. Принципи і категорії психології / О. М. Ткаченко. – К. : Вища школа, 1979. – 198 с.
 30. Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева / Е. Н. Трубецкой. – М. : Московский философ. фонд, Медиум, 1995. – 604 с.
 31. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М. : Республика, 1994. – 432 с.
 32. Трубецкой С. Н. Сочинения / С. Н. Трубецкой. – М. : Мысль, 1994. – 816 с.
 33. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 490 с.
 34. Флоренский П. А. Христианство и культура / П. А. Флоренский. – Харьков : Фолио, 2001. – 672 с.
 35. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека / С. Л. Франк. – СПб. : Наука, 1995. – 655 с.
 - L. M. Lopatin. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 1996. – 560 s.
 12. Lopatin L. M. Filosofskie harakteristiki i rechi / L. M. Lopatin. – M. : AST, 2000. – 496 s.
 13. Losev A. F. Mif. Chislo. Sushhnost' / A. F. Losev. – M. : Mysl', 1994. – 919 s.
 14. Losskij N. O. Bog i mirovloe zlo / N. O. Losskij. – M. : Respublika, 1994. – 432 s.
 15. Losskij N. O. Izbrannoe / N. O. Losskij. – M. : Pravda, 1991. – 622 s.
 16. Losskij N. O. Istorija russoj filosofii / N. O. Losskij. – M. : Vysshaja shkola, 1991. – 559 s.
 17. Losskij N. O. Chuvstvennaja, intelektual'naja i misticheskaja intuicija / N. O. Losskij. – M. : Respublika, 1995. – 400 s.
 18. Maddi S. Teorii lichnosti : sravnitel'nyj analiz / S. Maddi. – SPb. : Rech', 2002. – 428 s.
 19. Manoha I. P. Chelovek i potencial ego bytija / I. P. Manoha. – K. : Stimul, 1995. – 256 s.
 20. Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija : problemy teorii i istorii. – M. : Izd-vo Instituta psihologii RAN, 1997. – 576 s.
 21. Psihologija lichnosti : slovar'-spravochnik / Pod red. P. P. Gornostaja, T. M. Titarenko. – K. : Ruta, 2001. – 293 s.
 22. Ribalka V. V. Teorii osobistosti u vitchiznjanij psihologii / V. V. Ribalka. – K. : IPPPO APN Ukraini, 2006. – 400 s.
 23. Rybalka V. V. Teorii' osobystosti u vitchyznjanij psihologii' ta pedagogici / V. V. Ribalka. – Odesa: Vyd-vo Bukajev Vadym Viktorovych, 2009. – 575 s.
 24. Romenec' V. A. Istorija psihologii' XIX – pochatku XX stolittja / V. A. Romenec'. – K. : Vyshha shkola, 1995. – 614 s.
 25. Romenec' V. A., Manoha I. P. Istorija psihologii' XX stolittja / V. A. Romenec', I. P. Manoha. – K. : Lybid', 1998. – 922 s.
 26. Rubinshtejn S. L. Princip tvorcheskoj samodejatel'nosti / S. L. Rubinshtejn // Voprosy filosofii. – № 4. – 1989. – S. 88–95.
 27. Sidorenko E. V. Metody matematicheskoi obrabotki v psihologii / E. V. Sidorenko. – SPb. : Social'no-psihologicheskij centr, 1996. – 350 s.
 28. Teorii' osobystosti u vitchyznjanij psihologii' : navch. posib. / V. V. Rybalka. – K. : IPPPO APN Ukrainy, 2006. – 530 s.
 29. Tkachenko O. M. Pryncypy i kategorii' psihologii' / O. M. Tkachenko. – K. : Vyshha shkola, 1979. – 198 s.
 30. Trubeckoj E. N. Mirosozercanie Vl. S. Solov'eva / E. N. Trubeckoj. – M. : Moskovskij filosof. fond, Medium, 1995. – 604 s.
 31. Trubeckoj E. N. Smysl zhizni / E. N. Trubeckoj. – M. : Respublika, 1994. – 432 s.
 32. Trubeckoj S. N. Sochinenija / S. N. Trubeckoj. – M. : Mysl', 1994. – 816 s.
 33. Stolp i utverzhdzenie istiny / P. A. Florenskij. – M. : Pravda, 1990. – 490 s.
 34. Florenskij P. A. Hristianstvo i kul'tura / P. A. Florenskij. – Har'kov : Folio, 2001. – 672 s.
 35. Frank S. L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka / S. L. Frank. – SPb. : Nauka, 1995. – 655 s.

36. Франк С. Л. Реальность и человек / С. Л. Франк. – СПб. : РХГИ, 1997. – 448 с.
37. Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Смысл жизни: Антология. – М.; Изд. гр. «Прогресс-Культура», 1994. – С.489-583.
38. Франк С.Л. Сочинения / С. Л. Франк. – М. : Правда, 1990. – 607 с.
39. Фрейдджер Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Р. Фрейдджер, Дж. Фейдмен. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 704 с.
40. Холл К. С. Теории личности / К. С. Холл, Г. Линдсей. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. – 592 с.
41. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер Пресс, 1997. – 608 с.
42. Челпанов Г. И. Мозг и душа / Г. И. Челпанов. – М. : Психологический институт РАО, 1994. – 349 с.
43. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии / Шпет Г. Г., Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л. // Очерки истории русской философии. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 217–578.
44. Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Г. Г. Шпет. – М. : Росспэн, 2006. – 624 с.
45. Эткинд А. М. Психология практическая и академическая : расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания / А. М. Эткинд // Вопросы психологии. – 1987. – № 6. – С. 20–30.
46. Эрн В. Ф. Сочинения / В. Ф. Эрн. – М. : Правда, 1991. – 576 с.
47. Юркевич П. Д. Философские произведения / П. Д. Юркевич. – М. : Правда, 1990. – 670 с.
48. Ярошевский М. Г. История психологии / М. Г. Ярошевский. – М. : Мысль, 1985. – 575 с.
49. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки / М. Г. Ярошевский. – М. : Политиздат, 1974. – 447 с.
36. Frank S. L. Real'nost' i chelovek / S. L. Frank. – SPb. : RHGI, 1997. – 448 s.
37. Frank S. L. Smysl zhizni / S. L. Frank // Smysl zhizni: Antologija. – M.; Izd. gr. «Progress-Kul'tura», 1994. – S.489-583.
38. Frank S. L. Sochinenija / S. L. Frank. – M. : Pravda, 1990. – 607 s.
39. Frejdzher R. Lichnost'. Teorii, uprazhnenija, jeksperimenty / R. Frejdzher, Dzh. Fejdimen. – SPb. : PrajmeVROZNAK, 2006. – 704 s.
40. Holl K. S. Teorii lichnosti / K. S. Holl, G.Lindsej. – M. : JeKSMO-Press, 1999. – 592 s.
41. H'ell L. Teorii lichnosti / L. H'ell, D. Zigler. – SPb. : Piter Press, 1997. – 608 s.
42. Chelpanov G. I. Mozg i dusha / G. I. Chelpanov. – M. : Psihologicheskij institut RAO, 1994. – 349 s.
43. Shpet G. G. Oчерk razvitija russkoj filosofii / Shpet G. G., Vvedenskij A. I., Losev A. F., Radlov Je. L., // Oчерki istorii russkoj filosofii. – Sverdlovsk : Izd-vo Ural. Un-ta, 1991. – S. 217–578.
44. Shpet G. G. Philosophia Natalis. Izbrannye psihologopedagogicheskie trudy / G. G. Shpet. – M. : Rosspjen, 2006. – 624 s.
45. Jetkind A. M. Psihologija prakticheskaja i akademicheskaja : rashozhdenie kognitivnyh struktur vnutri professional'nogo soznanija / A. M. Jetkind // Voprosy psihologii. – 1987. – № 6. – S. 20–30.
46. Jern V. F. Sochinenija / V. F.Jern. – M. : Pravda, 1991. – 576 s.
47. Jurkevich P. D. Filosofskie proizvedenija / P. D. Jurkevich. – M. : Pravda, 1990. – 670 s.
48. Jaroshevskij M. G. Istorija psihologii / M. G. Jaroshevskij. – M. : Mysl', 1985. – 575 s.
49. Jaroshevskij M. G. Psihologija v XX stoletii. Teoreticheskie problemy razvitija psihologicheskoi nauki / M. G. Jaroshevskij – M. : Politizdat, 1974. – 447 s.

Стаття надійшла до редакції 28.05.2012 р.